

Н. К. Матросова

В КРУГЕ НОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ*

В статье рассмотрены проблемы методологии современного познания, связанные с процедурами конструирования знания, современной интерпретацией рациональности, феноменом интерсубъективности. Выделена проблема современного прочтения истины, отмечена значимость взаимодействия естественнонаучного и социогуманитарного знания, социокультурных механизмов получения знания, в их числе — фоновое знание, неявное знание. Указанные методологические проблемы соотнесены с типологическими построениями, вбирающими методологические установки современности и служащими экспликацией и подтверждением положений современной познавательной стратегии. Типологические построения вбирают как когнитивную свободу, так и следование логико-гносеологическим предписаниям. Они являются своеобразным теоретико-методологическим синтезом результатов, полученных в социокультурном и эпистемологическом контекстах, и служат показателем конкретного применения постнеклассических познавательных тенденций. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: методология, типологическая конструкция, типологизация, научная рациональность, конструирование знания, интерсубъективность, истина.

N. K. Matrosova

IN THE CIRCLE OF NEW METHODOLOGICAL ORIENTATIONS

The article «In the circle of new methodological orientations» focuses on the problems of methodology of contemporary cognition related to the procedures of knowledge construction, contemporary interpretation of rationality, the notion of intersubjectivity. The article explores contemporary interpretation of the truth, interrelation of knowledge in natural and social sciences. The importance of socio-cultural mechanisms of acquiring knowledge is pointed out, including background knowledge and relative knowledge.

Methodological problems are compared with typological constructions, which include methodological rules of the contemporary world and serve as an explanation and confirmation of contemporary cognitive strategy. Typological constructions include cognitive freedom as well as logical and epistemological rules. They are theoretical and methodological synthesis of results, which have been acquired in socio-cultural and epistemological contexts and serve as a good indication of postneoclassical cognitive tendencies application. Refs 10.

Keywords: methodology, typological construction, typologization, scientific rationality, knowledge construction, intersubjectivity, the truth.

Типологические построения никогда не занимали в истории научного познания главенствующих теоретико-методологических позиций. Тракуемые как модусы уже сложившегося знания, они порой казались бесперспективными и проигрывали в конкуренции с другими познавательными приемами. Попытку обрести свое место в теоретико-методологическом арсенале науки типологические построения получают со стороны неклассической и постнеклассической познавательных стратегий.

Матросова Надежда Константиновна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; matrosovank@mail.ru

Matrosova N. K. — PhD (Philosophy), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; matrosovank@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Квалитативизм как онтометодологическая установка новой гносеологической стратегии», грант № 13-03-00386.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Какие методологические ориентации современности резонируют в типологических построениях?

Одной из сфер научной деятельности, где особенно ярко проявились новые познавательные тенденции, стал язык науки. Известно, что наука, переходя к осмыслению новых положений, начинает вырабатывать и новые понятийные матрицы. Особенностью понятийного аппарата современной науки являются отторжение обязательной однозначности терминов, присущее классической науке, отсутствие строго фиксированного содержания и объема понятия. В современном познании часто фиксируется лишь граница применимости понятия, а одной из главных тенденций логико-понятийного оформления знания становится обращение не к понятиям, а к концептам, способным вобрать и смысл, и образ. Кроме этого, в языке современной науки присутствуют внерациональные компоненты, среди которых — интуитивные грани, неявное знание. Сказанное в полной мере относится к понятию тип, которое наделено как когнитивной строгостью, так и терминологической «вольностью», говорящих о его «вписанности» в современное научно-языковое пространство. И хотя отмеченные характеристики языка современной науки оставляют, на первый взгляд, негативное впечатление, но, как показывает научная практика, этот «нестрогий язык», открытые горизонты значения, которыми наделено понятие тип, способствуют поиску новых глубинных смыслов, росту научного знания, демонстрируют познавательную эффективность в анализе социальных и естественнонаучных явлений.

Репрезентация знания в условиях современной познавательной стратегии тесно связана с феноменом конструктивизма, утверждающим, что познание — не только отражение окружающей действительности, но и активный процесс ее мысленной реорганизации познающим субъектом. «В этом плане можно сформулировать один из ведущих принципов конструктивистской парадигмы, согласно которой ученый не только изучает реальность, но и создает, конструирует ее» [1, с. 79]. Истолкование познания как построения или конструирования начинает формироваться в Новое время и получает дальнейшее развитие в немецкой классической философии. Прежде всего идеи конструктивизма связаны с именем И. Канта, провозглашавшего значимость активности познающего субъекта. На рубеже XIX–XX вв. идеи конструктивизма были развиты в работах В. Дильтея, Г. Зиммеля, М. Вебера.

В современной теории познания конструктивизм представлен вариантами эпистемологического конструктивизма, конструктивистского реализма, радикального конструктивизма и др. Каждый из вариантов научного конструктивизма имеет специфическое теоретико-методологическое преломление, но смысловая интенция одна: объект познания создается, конструируется исследователем, он есть результат «сборки». В рамках методологии конструктивизма исходные положения, эмпирические данные входят в сложную динамическую систему познавательной деятельности, где позиция исследователя оказывается определяющей. Именно с этой установкой мы встречаемся в типологических построениях, которые во многом представляют собой выражение эпистемологической позиции типолога. Если задаться вопросом, к какому виду конструирования как познавательного процесса более всего тяготеет типология, то, на наш взгляд, стоит отдать предпочтение конструктивистскому реализму как наиболее приемлемому в построении типологических конструкций.

«Генетическим кодом» типологических построений выступает целостность бытия, порой интуитивно постигаемая холистическая метафизика. При этом, как отмечают исследователи, целостность не отстранена от идей конструктивизма. «Чтобы постигать целостность, не нужно полагать ее независимого существования в качестве абсолютного начала. Постигание целостности есть плод конструктивных усилий. Видение целостного необходимо для возникновения конструкций, но никакое целое не появляется без конструирования» [2, с. 73]. Отмеченные характеристики мы находим в типологических построениях. При этом мы сталкиваемся с существенным для исследований типологической направленности вопросом: являются ли типологические построения *истолкованием* наличествующей данности или ее конструктивистским *выстраиванием*? Может ли в типологических построениях присутствовать (и определять их) нечто, выходящее за рамки подвергаемой типологизации реальности? Онтологическая обоснованность типологических построений обусловлена естественной структурированностью типологизируемого, их «отшлифованностью» временем. В процессе типологизации не происходит потери предметной значимости типологизируемого, забвение онтологического начала типологических построений. И если конструктивистские модели, задаваемые порой исключительно формально-аналитическими процедурами, не нуждаются в онтологическом обосновании, то типологические построения всегда имеют если не онтологическое основание, то онтологическую «привязку», специфические черты которой во многом определяют теоретико-методологическую эффективность их функционирования [3].

В современной познавательной стратегии все более утверждается положение, связанное с тем, что исследователь имеет дело не с объективной реальностью, а с ее моделями, конструкциями, в которых идеал точной репрезентации оказывается утраченным. Анализ проблемы заставляет признать, что понятие тип является выстроенным, конструктивным образованием, не лишенным эйдетического начала, единством *познания и постижения*. В типологических построениях как модусе целостности нет онтологического преимущества духа или природы. Позицию, подтверждающую возможность единения эйдетического начала и конструирования реальности, мы встречаем у современных авторов. «Конструктивный подход... конституирует идеальную предметность как нечто целое. Но это обстоятельство обращает нас к эйдетическому подходу. Идеальный предмет должен быть понят не только как схема, но как сложное, организованное единство частей. Последовательное соединение, сообразное правилу, сопровождается непосредственным интеллектуальным представлением всех соединенных элементов в их взаимосвязи. Согласованность сосуществующих элементов порождает чувство реальности. При таком схватывании эйдетический и конструктивный взгляды составляют два необходимых аспекта понимания. Заметим, что конструирование трудно представить без предварительного видения единства связей» [4, с. 56].

В историческом познании обращение к конструированию неизбежно уже в силу того, что видение эпохи никогда не бывает «окончательно-безоговорочным». Новые исторические данные, личностные мнения и интерпретации, акцентирование маргинальных положений побуждают к дальнейшим уточнениям и интеллектуальной переоценке исторической реальности, которая, с одной стороны, в силу хронологической отстраненности оказывается «ускользающей», а с другой —

с неизбежностью оказывается «выстраиваемой», представленной в конструкциях разного рода. Так, известно, что выработанные М. Вебером «идеальные типы» лишь суммарно отражают действительность, вбирая избранные смыслы и опираясь на факторы предпочтения. И хотя «идеальный тип» Вебера не следует считать логической конструкцией, лишенной какой бы то ни было связи с действительностью, однако он во многом произвольное построение. Вместе с тем «отшлифованность» временем, хронологическая отстраненность, неизбежно сопровождающая типологические построения, способствует выделению качественных определенностей типологизирования, усиливая их эвристический потенциал.

Познавательные установки современности тесно переплетаются. Конструирование как познавательный прием оказывается тесно связанным с новым осмыслением научной рациональности, классический вариант которой опирался на следование логическому стандарту, что вызвало упреки в предрешенности и монологичности видения предмета в рамках предшествующей познавательной традиции. Но уже к началу XX в. понятие рациональности утрачивает однозначность. Современное прочтение рациональности связано с расширением ее онтологического начала, ее присутствием не только в научном познании, в виде коммуникативной и когнитивной моделей, но и в социальном опыте, структурах поведения. Так, если до исследовательской программы М. Вебера рациональность была соотносима исключительно с рациональностью мышления, то Вебер строит свой «идеальный тип», положив в основание «рациональность действия», расширяя тем самым границы рациональности. Отказ от приоритета «чистой» мыслительной рациональности, ее связь с ценностно-мировоззренческими установками, отсутствие однозначности в констатации любого положения — таковы характеристики современной рациональности. При этом отметим, что существует несколько программ реконструкции рациональности. Так, в отличие от современных французских философов, немецкие мыслители К.-О. Апель и Ю. Хабермас не склонны подвергать разум тотальной критике и, сбрасывая шоры односторонности в его понимании, не зачеркивают требований классической научной рациональности. Именно на такого рода познавательно-методологическую установку призваны опираться типологи.

Идеи конструктивизма влекут за собой признание невозможности безличного, ценностно-нейтрального знания. Как известно, классическая наука выработала представление о познающем субъекте как личности, принципиально отстраненной от объекта исследования. Однако изъятие субъекта познания из познавательного процесса превращало этот процесс в предзаданную, формальную структуру, вырванную из исторического контекста. К середине XIX в. многие исследователи все более склонялись к признанию зависимости действий познающего субъекта от социального контекста. Дальнейшая научная практика показала, что процесс познания лишен когнитивной прозрачности, характерной для картезианских представлений. Субъект познания укоренен в своей эпохе, но всегда привносит в ее видение свое «я», порождая так называемое личностное знание, которое «в науке является результатом не выдумки, открытия и как таковое признано установить контакт с действительностью, несмотря на любые элементы, которые служат его опорой» [5, с. 101].

Анализ типологических построений показывает, что элиминация личностного видения в создании типологий невозможна. Обращаясь к анализу коллективных

форм человеческого сознания — истории, языку, этнографии, к явлениям природного мира, исследователь всегда демонстрирует личное осмысление этих форм. При этом даже в рамках одной дисциплины мы встречаем различные варианты типологизации. Типолого-таксономические построения К. Линнея отличаются от естественнонаучных обобщений К. Декондоля и М. А. Максимовича. Типологические построения Р. Ю. Виппера, М. С. Хвостова, А. С. Лаппо-Данилевского различным образом анализируют «историческое целое». Рассматривая динамику исторического процесса, К. Маркс (общественно-экономическая формация как исторический тип общества) и М. Вебер («идеальный тип») приходили к принципиально различным положениям о причинах формирования социально-исторических явлений, однако оба опирались на понятия типологической направленности. Типологические построения неизменно привязаны к имени их создателя и балансируют на грани истины «факта» и истины «видения». Однако, не навязывая абсолютной однозначности в анализе мира явлений, типолог опирается на ряд общеметодологических положений (среди них — сравнение, обобщение, идеализация, принцип целостности), что способствует пресечению произвола «вброса-выброса» показателей, участвующих в создании типологического построения, лишаящих его качественной определенности и познавательной эффективности.

С феноменом личностного знания, хоть это и может показаться парадоксальным, тесно связано понятие интерсубъективности. Интерес к понятию был инициирован работами Э. Гуссерля, для которого интерсубъективность была трансцендентальной предпосылкой и условием познания, связанным со стремлением исключить из познавательного процесса все субъективное и добиться объективности в восприятии явлений мира.

В случае типологических построений мы имеем двойственную ситуацию. С одной стороны, нельзя не признать, что интерсубъективность, общезначимость типологическим построениям придает как факт их «присутствия» во многих разделах знания, так и типологизация как познавательный процесс, приобретающий все более строгие методологические рамки, что позволяет говорить о ее общенаучном характере. С другой стороны, выполняя ряд бесспорных общеметодологических требований, типологические построения всегда имеют «авторское начало», что придает им «налет» субъективности. Типолог «собирает» исходную реальность под определенным углом зрения, надеясь если не на аналогичное видение предмета другим исследователем, то, по крайней мере, на возможность логически близкого осмысления типологизируемого, тем более что, как мы указали, существуют определенные логико-гносеологические положения, образующие смысловую структуру типа. Таким образом, мы можем сказать, что знание, аккумулированное в определенном типологическом построении, доступно всем, но эта доступность вовсе не является гарантом его признания всеми. И если интерсубъективности свойственно быть гарантом достоверности познания, то исследователей не может не интересовать вопрос, что может способствовать этой достоверности [6]. Ориентиром познавательного процесса и условием интерсубъективного понимания должны стать, наряду с прочими показателями, социокультурные факторы. Исследовательский процесс «требует сосредоточения внимания на экспликации социокультурных механизмов “объективации” интерсубъективных конструкций... т. е. их социального признания в качестве общезначимых» [7, с. 92]. Требование экспликации социо-

культурных детерминант знания мы встречаем во многих работах. Так, представители «новой археологии». Дж. Хилл и Р. Эванс указывают, что в археологии прийти к типологическим построениям можно лишь с опорой на признание громадного значения как социокультурной детерминации артефактов, так и познавательных установок самого исследователя. Они констатируют свой взгляд на развитие научных исследований, состоящий, по их мнению, «в том, что явления не обладают врожденными или первичными значениями, которые могут быть открыты. Скорее, любому явлению или набору явлений значение придается человеческим разумом, и им может быть приписано столько значений, сколько исследователь сочтет нужным» [8, с. 252].

Экспликацией социокультурного механизма, способствующего объективации знания, т. е. процессу его социального признания в качестве общезначимого, можно признать, наряду с другими показателями, так называемое фоновое знание, наличие своеобразных посылок, присутствующих в сознании людей и образующих когнитивный фундамент взаимопонимания и осмысления мира. Практика показывает, что выработка типологических построений связана с присутствием некоего «остатка» в виде не сформулированных явно посылок, определенных теоретических приоритетов, наличием фонового знания, предоставляющего возможность экспликации теоретических положений на основании определенного методологического требования, идеи-принципа, каковым в случае типологических представлений выступает принцип целостности. Однако фоновые практики как результат функционирования познавательной культуры не сводятся к индивидуальным мыслям и действиям. Не случайно Ч. Тэйлор, исследуя вопрос фонового знания, в качестве одного из оснований методологического индивидуализма, неприемлемого для указанного вида знания и во многом пресекающего общность понимания, указывает на сформированную еще в Античности идею атомизма, интерпретируя ее как проявление дробности и отстраненности [9].

Еще одним преломлением методологических тенденций современной науки может служить тесная связь естественнонаучного и социогуманитарного знания. «Именно в современной постнеклассической науке (ориентированной на конвергенцию естественнонаучного и социогуманитарного знания, на их взаимопроникновение, рекурсивно-коммуникативное сопряжение) возникает новая интересность как субъективность второго порядка, или новая трансцендентальная субъективность» [9, с. 92]. Отмеченное сопряжение знания не может не затребовать методологических посредников, раскрывающих механизм этого сопряжения. В качестве такого посредника, способного раскрыть «равновесную неустойчивость» взаимодействия различных видов знания, могут выступить типологические построения, успешно «работающие» в различных областях знания.

И, наконец, фундаментальным преломлением познавательной ситуации современности оказывается новое прочтение положений истины, имеющее свои резонансы в типологических построениях. Основная тенденция нового прочтения истины связана с преодолением идеи классической гносеологии, настаивавшей на наличии абсолютного и общепризнанного знания, в пользу идеи объективно-относительного характера результатов познания, которое, тем не менее, способно претендовать на статус истины. Отказ от концепции универсальной рациональности, признание значимости конструктивизма, ставящего под сомнение теорию отражения

и классическую корреспондентскую теорию истины, провоцируют плюрализм в отношении понятия истины, что заставляет вспомнить Петера Слотердайка, недолюбивавшего «единственно верную» истину. Новая трактовка истины акцентирует значимость конкретно-исторических форм постижения мира и нацелена не столько на получение объективного знания о нем, сколько на признание истинным того, что соответствует или не соответствует стремлениям человека. С формальной точки зрения, опираясь на классическое истолкование истины как соответствия знания объекту, типологические построения не могут претендовать на статус истинного знания. Отторжение от познавательного совершенства, от знания, разделяемого всеми, провоцируемо рядом положений, с которыми мы сталкиваемся в анализе типологии. Так, если «выстроен» объект познания, то и знание о нем «выстраивается» субъектом, а не является результатом всеобъемлющего объективного анализа, что, исходя из классических представлений об истине, не позволяет типологической конструкции претендовать на статус совершенного знания. Типологизация не преследует выявления «достоверности» изучаемого, и знание как результат ее реализации не может быть признано истинным в требуемом классической гносеологией смысле. Однако это не умаляет их познавательной ценности. «Истины типологизации» имеют инструментальный характер. Будучи продуктом рефлексирования над реальностью, они являют собой векторную направленность к установлению ее сущностных характеристик. Их можно охарактеризовать как мысленную модель, призванную интегрировать выявленные значения в целостность. При этом задача типолога состоит в том, чтобы удержаться в рамках безусловных требований гносеологии и в то же время не отторгать той когнитивной свободы, которой наделены типологические конструкции. Типологические построения, отвечая новым методологическим установкам, позволяют иначе взглянуть на проблему истины. Значимой в этом случае оказывается не классическая «истинность» или «ложность», а соответствие требованиям новой рациональности, связанное с широтой охвата подвергаемого типологизации материала, его эвристичность в сравнении с другими теоретическими построениями в тех же областях знания, способность вбирать когнитивные возможности близких ей познавательных приемов. И конечно, познавательная ценность типологических построений состоит в том, что они задают импульс поиску новых горизонтов в анализе и интерпретации исследуемого материала, являясь действенным познавательным инструментом, способным раскрыть качественные определенности объективного мира.

Мы отметили основные положения современной познавательной стратегии, соотнеся их с типологическими построениями. Проведенный краткий анализ позволяет указать на присутствие в них ряда требований, характеризующих познавательную парадигму наших дней. В числе таковых — подвижность смысловых границ, открытость горизонтов значения, легитимирующих такие характеристики мышления, как гибкость и нелинейность, возможность методологического синтеза естественнонаучного и социогуманитарного знания. Типологические построения во многом предстают отражением теоретико-методологическим синтезом результатов, полученных в социокультурном и эпистемологическом контекстах рубежа тысячелетий.

Литература

1. Петренко В. Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 75–81.
2. Гутнер Г. Б. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX, № 3. С. 73–75.
3. Матросова Н. К. Онтологические модели целостности и типологии // Философские науки. 2013. № 10. С. 52–64
4. Гутнер Г. Б. Способы конституирования идеального предмета // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX, № 3. С. 49–56.
5. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
6. Антоновский А. Ю. Форма как условие intersubъективного понимания // Intersubъективность в науке и философии. М.: Канон, 2014. С. 397–405.
7. Смирнова Н. М. Возможна ли междисциплинарная модель intersubъективности? // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII, № 1. С. 55–63.
8. Hill J. N., Evans R. K. A model for classification and typology // *Models in archeology* / ed. by D. L. Clarke. London, 1972. P. 231–273.
9. Taylor C. Irreducibly Social goods // *Rationality Individualism and Public Policy*. Canberra: Australian National University, 1990. P. 45–63.
10. Аршинов В. И. Intersubъективность в онтологии парадигмы сложности // Intersubъективность в науке и философии. М.: Канон, 2014. С. 89–105.

Для цитирования: Матросова Н. К. В круге новых методологических ориентаций // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 26–33. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.203

References

1. Petrenko V. F. Konstruktivizm kak novaia paradigma v naukakh o cheloveke [Constructivism as a new paradigm in the human Sciences]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2011, no. 6, pp. 75–81. (In Russian)
2. Gutner G. B. Otvet opponentam [Answer for opponents]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2011, vol. XXIX, no. 3, pp. 73–75. (In Russian)
3. Matrosova N. K. Ontologicheskie modeli tselostnosti i tipologii [To ontological model of integrity and typology]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2013, no. 10, pp. 52–64.
4. Gutner G. B. Sposoby konstituirovaniia ideal'nogo predmeta [The ways of constitution of an ideal subject]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2011, vol. XXIX, no. 3, pp. 49–56. (In Russian)
5. Polani M. *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (In Russian)
6. Antonovskii A. Iu. *Forma kak uslovie intersub'ektivnogo ponimaniia Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* [перевод]. Moscow, Kanon Publ., 2014. S. 397–405.
7. Smirnova N. M. *Vozmozhna li mezhdistsiplinaia model' intersub'ektivnosti?* [Is the interdisciplinary model of intersubjectivity possible?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2011, vol. XXVII, no. 1, pp. 55–63. (In Russian)
8. Hill J. N., Evans R. K. A model for classification and typology. *Models in archeology*. Ed. by D. L. Clarke. London, 1972, pp. 231–273.
9. Taylor C. Irreducibly Social goods. *Rationality Individualism and Public Policy*. Canberra, Australian National University Press, 1990, pp. 45–63.
10. Arshinov V. I. Intersub'ektivnost' v ontologii paradigmy slozhnosti [Intersubjectivity in the ontology of the paradigm of complexity]. *Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* [Intersubjectivity in science and philosophy]. Moscow, Kanon, 2014, pp. 89–105. (In Russian)

For citation: Matrosova N. K. In the circle of new methodological orientations. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict. Cultural. Religious*, 2016, issue. 2, pp. 26–33. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.203

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.